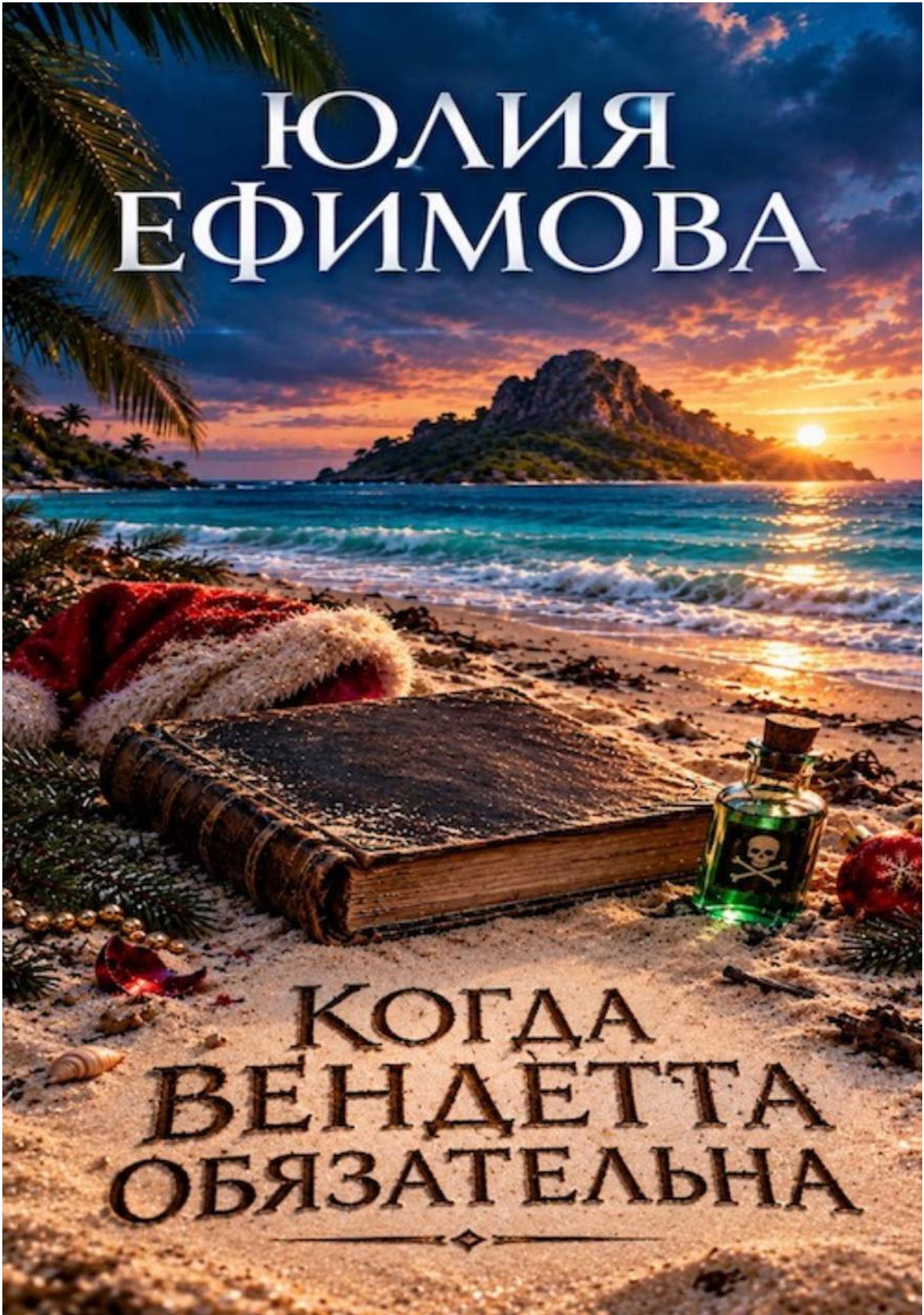

ЮЛИЯ
ЕФИМОВА
КОГДА
ВЕНДЕТТА
ОБЯЗАТЕЛЬНА

Юлия Ефимова

Когда вендетта обязательна

«Автор»
2026

Ефимова Ю.

Когда вендетта обязательна / Ю. Ефимова — «Автор», 2026

Книга ранее публиковалась под названием "Остров тринадцати приговоренных".Южный остров приютил тринадцать туристов из России для празднования Нового года. Он подготовил свои пляжи и бунгало, наполировал до блеска мебель и очистил воду в бассейне. Однако эти русские — непредсказуемые люди: от них можно ожидать чего угодно, и никогда не угадаешь, чем закончится их торжество. Бедному острову даже в страшном сне не могло присниться, сколько странных и одновременно ужасных событий произойдет на нем за эти три дня. Сколько стыдливой правды будет вытащено наружу, а разрушенные надежды взорвутся в воздухе, как фейерверки, но самое странное, что всему виной была просто КНИГА.

© Ефимова Ю., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Ранее история выходила под названием: «Остров тринадцати приговоренных». 5
Когда вендетта обязательна 6
Пролог 7
Глава 1 8
За три дня до описываемых событий 8
КНИГА 13
Глава 2 15
День рождения без голубого вертолета 15
Глава 3 18
Бульвар Капуцинок 18
Глава 4 20
Не смотрите новости на ночь 20
Глава 5 22
Журналист, он еще немного следователь 22
Книга 24
Глава 6 26
Семейные узы 26
Глава 7 28
Девять часов, полет нормальный 28
Книга 34
Глава 8 37
Будьте аккуратны с подарками 37
Конец ознакомительного фрагмента. 38

Юлия Ефимова
Когда вендетта обязательна

Ранее история выходила под названием: «Остров тринадцати приговоренных».

Дорогой читатель,

когда меня спрашивают, с какой книги начать знакомство с моим творчеством, то я отвечаю: с этой. Если она вам понравится, то можете смело браться за любую мою книгу, если нет, то более не стоит и пробовать, значит, я не ваш автор.

Когда я только начала заниматься творчеством, то завела блокнот и назвала его «Записки в стол». В нем я собирала свои наблюдения за людьми, понравившиеся высказывания великих людей и просто записывала за попутчиками. Сейчас я решила дополнить книгу этими записями и так как это получилась уже немного другая история, то и название я ей дала другое. Все записки я подбирала так, чтоб смысл главы раскрывался еще сильнее.

Все, что написано в этой книге, является фантазией автора, любые совпадения случайны.

Когда вендетта обязательна

Как никто не знает о том, что будет впереди,
так никто не знает в точности о событиях,
происходивших в далеком прошлом. Вот и я,
дорогой читатель, не знаю, правда ли то, что
написано в этой книге, или вымысел. Эту
историю мне рассказала красивая девушка,
которой очень идут шляпки. Ночами она
садилась ко мне на подоконник и, болтая ногами,
повествовала свою грустную историю.
Но лишь наступал рассвет, она рассеивалась
в дымке первых лучей, и я понимала, что
это был всего лишь сон, нет и слова
правды в ее рассказе. Смущает одно: лишь
только я закончила книгу, эта красавица
перестала навещать меня ночами, словно
выполнила свою миссию, и я ей стала не нужна.

Пролог

Звон бокалов и шум пьяных поздравлений стих. Все старались выпить шипучий напиток до дна, словно от быстроты выпитого зависит исполнение загаданного желания.

— А я вам желаю выжить, — сказал Александр.

Фраза была произнесена просто, без ударения голосом и каких-либо так называемых театральных пауз. Оттого слова, так не сочетавшиеся с их подачей, не сразу дошли до праздно-нующих людей.

— Я желаю вам выжить, потому что я вас приговорил к смерти, — повторил Александр. — В ваших бокалах был яд. Противоядие же получит только тот, кто ответит мне правду и только правду. Я знаю, что каждый из вас побывал в тот злосчастный день у моего брата. Даже не думайте мне врать, я знаю многое, возможно, даже все. Конечно, тот, кто скажет мне имя убийцы и сможет доказать причастность этого человека, получит противоядие первым. Да, я знаю на сто процентов, что Влада убили. Мой брат даже не думал о том, чтобы покончить жизнь самоубийством.

В помутненное сознание людей, стоявших вокруг праздничного стола, очень медленно вползали сказанные слова. Александру даже на миг показалось, что он видит, как это происходит. Они вползали в их уши, словно толстые черви, вгрызающиеся в яблоко и старающиеся как можно быстрее пробраться к заветной сердцевине. Именно так слова пытались пробиться к мозгам этих растерянных людей. Его передернуло от отвращения к представленной картине и к ним всем.

— У вас есть три дня, — продолжил он, и сейчас в его голосе было нескрываемое презрение, — потом вы начнете медленно разлагаться. Семьдесят два часа на то, чтобы сказать правду. Через три дня за нами приедет катер, и только вам решать, найдет он здесь ваши трупы или спокойно вернет вас в вашу жизнь. Может быть, кто-то хочет сейчас признаться в убийстве Влада? — немного громче спросил он, словно хотел разбудить этих замерших, как статуи, людей с яблоком вместо головы. Но, видимо, черви еще не достигли своей цели, и Александр решил не настаивать.

— Ну, нет так нет. На этом я вас оставляю, празднуйте. Только у меня совет: из этих бокалов больше не пейте. Возьмите другие.

Развернувшись, он направился в свой бунгало.

Услышав за спиной звон разбившегося бокала, Алекс отчетливо понял, что первый червь наконец дополз до своей цели. Игра началась.

Глава 1

За три дня до описываемых событий

Что такое Новый год?

Однажды я разговорилась с попутчицей. Милая женщина болтала без умолку и имела свое видение любой проблемы. Лишь один вопрос про мужа привел ее в ярость. Я не хочу даже говорить об этом, предатели, твердила она мне зло. Он бросил меня одну с двумя детьми, ненавижу. Испугавшись такой реакции, я попыталась ее утешить, мол, мужчины они такие, их привлекает молодость. Каково же было мое изумление, когда разъяренная мадам ответила мне, поджав губы: «Если бы так, то я могла бы его хотя бы видеть, — уже без эмоций сказала женщина, — хоть иногда говорить с ним о детях и вспоминать прошлое. Мой поступил хуже, не оставив мне даже шанса, он умер». Вот такая она любовь…

Юлия Ефимова, записки в стол

Что такое Новый год?

В первую очередь это предвкушение чуда, когда ты готовишься, производишь всевозможные ритуалы и запасаешься новогодними атрибутами. Выбираешь любовно подарки, и душа замирает в ожидании чего-то особенного, чего-то на грани нереального, фантастического. Но неизбежно наступает утреннее разочарование: ты просыпаешься первого января и понимаешь, что ничего чудесного не произошло.

Александр всегда, с самого детства, в первый день Нового года чувствовал себя обманутым. Даже подарки, заботливо оставленные родителями под елкой, казались жалкой насмешкой над его ожиданиями. Они были обычными вещами, которые можно купить в магазине, а он ждал чуда. Вот его брат совсем этого не чувствовал, он был прагматиком до мозга костей. Хоть и были они близнецами, но в душе такими разными. Брату никогда не нужно было чудо, он создавал его для себя сам, всю свою такую недолгую жизнь. Александр же всегда чего-то ждал и всегда разочаровывался. Причем с годами ожидание не прошло. Он перестал себе в этом признаваться, а просто первого января в очередной раз констатировал провал надежд.

— Вот вы замечали, Василий, как жалко смотрится вся новогодняя мишура утром первого января? — спросил Александр своего начальника охраны. Вопрос был риторическим, поэтому Василий, в силу своей военной привычки, промолчал, продолжая слушать шефа. — А это все потому, — говорил тот, вглядываясь в оконную пропасть зимней ночи, — что рушатся мечты, простые человеческие мечты, а это всегда больно. Это событие даже оставляет в воздухе запах. Вот вы знаете, чем пахнет разочарование? — он вновь задал вопрос, который не требовал ответа. — Оно пахнет миндалем, как яд, — сказал Александр просто, словно говорил о вкусе пирожного. — Потому что каждое ожидание чуда после фиаско превращается в яд, который отравляет жизнь, перманентно, капля за каплей. И вот уже елка со своими блестящими украшениями не радует взгляд, а, наоборот, раздражает и невозможно пахнет миндалем.

Василий Носик, бывший боец спецподразделения, не верил, что люди меняются. Он был искренне убежден, что после двадцати лет человек — уже сформировавшаяся личность и изменить его не может ничего: ни война, ни деньги, ни слава. Эти индикаторы лишь ярче показывают сущность человека, но никак не влияют на его характер. Поэтому Василий не питал иллюзий по поводу лояльности шефа и очень осторожно вступал с ним в дискуссию, будучи

наслышанным о буйном характере Александра в прошлом. Ему нужна была эта работа как воздух, работа, которая приносила большие деньги, и он не смел ее сейчас потерять.

— Ну так что у нас с планом? — шеф повернулся от окна к Василию, и его тон из философского перешел в деловой.

— Практически все решено, — уклончиво ответил начальник охраны, а по сути, правая рука. Нет, конечно, у Александра Базарова, успешного делового человека, для бизнеса были другие руки, Василий Носик же у него был для жизни. Для деликатных, так сказать, вопросов.

— Не нравится мне твой ответ, — скривился Александр и уселся в большое удобное кресло, давая понять, что готов все внимательно выслушать. — Давай по пунктам.

— Ну, начнем с вашей бывшей жены, — стал докладывать Василий по порядку, именно так, как привык, проходя службу в органах. — Она отказала, но после того, как я намекнул, что вы готовы спонсировать ее новый проект, тут же приняла предложение отметить Новый год вместе с вами.

— Ну, эта продажная душа готова на все ради своей работы, — констатировал факт хозяин дома. — А что с ее братом и моим неудавшимся сыном?

— Их ради предполагаемого вашего спонсорства Маргарита обещала взять на себя, — сказал Василий виновато, словно это была его недоработка.

— Узнаю железную руку Марго. Она не только притащит их сюда, но и заставит говорить то, что захочет, — усмехнулся зло Александр, и Василий увидел в его глазах проблеск того шефа, о котором был наслышан, того, каким он был до трагедии.

— Совершенно верно, — согласился начальник охраны с шефом. — Сандра, жена вашего сына, позже сама мне перезвонила и сказала, что они обязательно будут.

— Дальше, — скомандовал Алекс, показывая тем самым, что это обстоятельство ему не интересно.

— Рузанна Вильмонт была менее сговорчива и очень долго отказывалась, ссылаясь на то, что у нее выставка сразу после Нового года и она вплоть до тридцать первого будет ее готовить.

— Что там у нее за выставка? — перебил его Александр, показывая, что уже устал от разговора.

— Импрессионисты, — коротко ответил Василий и торопливо добавил: — Она поставила условие: если вы дадите на выставку вашего Моне, тогда она согласится.

— Еще одна фанатка. Боже, ну и наградила меня судьба. Рузанна была такой с самого детства — привяжется к нам с Владом: сводите да сводите меня в Пушкинский музей. Нам всегда хотелось в парк Горького, но наши родители дружили, да и жили мы по соседству, поэтому нам она была как младшая сестра. Знаешь, я ведь и правда по малолетству думал, что мы какие-то родственники, такими были наши отношения. Однажды, стоя у очередного шедевра, она сказала, что, когда вырастет, будет служить этим картинам. Представляешь, так и выразилась — «буду служить», ненормальная уже тогда была. Потом погибли ее родители, и мои удочерили Рузанну уже по-настоящему, а мы с Владом стали для нее братьями, — мысль о брате резанула сердце, и больно упала в желудок. — Скажи, что будет у нее Моне. Дальше, — поторопил он помощника.

— Ваш друг Дамир согласился сразу, правда, сказал, что будет не один, а с девушкой, — словно извиняясь за него, Василий, как нашкодивший первоклассник, опустил голову.

— Бог с ней, с его шалавой, — на редкость легко согласился Александр и зажал виски. Видимо, начиналась мигрень.

— Сложнее всего с девушкой вашего брата, — продолжал докладывать Василий, видя, как шеф мучается от головной боли.

— Я так и думал. Эта журналистка-авантюристка была ему не пара, я даже не знаю, что он в ней нашел. Помутнение тогда на него накатило, что ли. Все же надеюсь, что ты решил эту небольшую проблему? — спросил Александр таким тоном, и Василий сразу же вспомнил, что

бывает в этом доме с теми, кто не выполняет данное ему поручение. Поговаривали, что его предшественник был уволен именно поэтому.

— Да, — сказал начальник охраны, сам не понимая, почему его должность называется так.

Больше бы подошло название «секретарь» или «мальчик на побегушках», но, как говорится, кто платит, тот и заказывает музыку. В его же случае поговорка звучала бы так: «Кто платит, тот и решает, как и кого называть». Васе еще повезло, ему позволили оставить имя. Вот повару повезло намного меньше, и теперь вместо нормального имени Аркадий тот откликался на Акакия и ничего поделать с этим уже не мог. Потому как хозяин решил, что повар обязательно должен носить старорусское имя.

— Я не хочу знать, как ты это сделал, — Александр отмахнулся от своего подчиненного, как от надоевшей мухи. — Все возможные варианты мы с тобой обговорили сто раз еще до этого. Раз все решено, можешь идти.

— Александр Сергеевич, — вздохнув, сказал Василий, переминаясь с ноги на ногу и, судя по всему, тщательно подбирая слова, — я хотел бы предостеречь вас от необдуманных поступков. Месть — плохой советчик, еще ни одному человеку в мире не стало легче от нее. Вы можете только повесить на свою душу такую тяжесть, что просто не вынесете.

Василий специально настаивал на личном ущербе хозяина, понимая, что для человека своя рубашка всегда ближе к телу, и это может хоть как-то подействовать. Была бы его воля, он бы уже давно уволился и забыл придурь этого властного мужчины, но Василий не мог, ему очень нужны были деньги, большие деньги, поэтому он старался остановить порыв шефа осторожными убеждениями.

Но тезка великого поэта уже все решил и сворачивать с выбранного пути не собирался. Трескотня своего помощника его больше раздражала, чем заставляла задуматься.

— Я тебя услышал, — сказал он зло Василию. — Иди готовься, осталось три дня, все должно быть так, как я решил, и ни на грамм не отступай от заранее намеченного плана. Можешь так не паниковать, я тебе все объяснил и второй раз твою трепетную душу успокаивать не собираюсь.

Василий стоял молча, словно бы не веря своему работодателю.

— Или ты хочешь уволиться? — спросил Александр, усмехаясь, и увидел в глазах молодого человека огромное желание — это сделать, настолько огромное, что оно уже было готово превысить нужду в больших деньгах. Поэтому шеф, не дожидаясь ответа, просто сказал: — Иди, у меня важный звонок.

Когда за Василием закрылась дверь кабинета, хозяин дома дождался, пока на другом конце Москвы возьмут трубку, и, изо всех сил, изображая дружелюбие, сказал:

— Артур Игоревич, добрый вечер. Спасибо, все нормально, но мне необходимо, чтобы по нашему делу произошло ухудшение. Да, да, я помню о нашей договоренности, и после Нового года мы закроем этот проект, но сейчас мне необходимо, чтобы в нем произошло ухудшение. Спасибо, я знал, что могу на вас положиться.

За окном вновь пошел снег. В этом году его было непозволительно много для Москвы. Александр лукавил, когда говорил, что не любит Новый год. Он его ненавидел. Все самые отвратительные события в его жизни происходили именно в это время. В Новый год не стало родителей — они сгорели на даче, обнявшись в своей кровати. Как жили, любя друг друга, так и ушли вместе. Именно с того времени, потеряв родителей, два брата-студента стали отмечать Новый год обязательно вместе, и из-за молодости, а возможно, алкоголя с горечью потерь праздник всегда сопровождался неприятностями. Они словно еще больше обесценивали его. Однажды Новый год чуть не кончился еще одной трагедией. Пьяные и злые, они с Владом вышли на улицу и нашли приключений, вступив в перепалку, которая окончилась для одного из участников смертью. Сейчас Алекс даже не мог вспомнить, с чего началась та драка.

Кажется, какие-то чудики, нарядившиеся в костюмы Деда Мороза и Снегурочки, бросились их поздравлять, а братья, пьяные и злые, ответили агрессией. Да и вообще, дрался ли Алекс сам или просто пьяно стоял рядом? Память стерла этот факт, слишком много было выпито, а он никогда не умел пить, тем более в Новый год. Тогда для братьев могло все плохо закончиться. Хорошо, что уже были кое-какие деньги, связи и знакомства. Но самое ужасное случилось год назад — не стало Влада, не стало брата, который был смыслом жизни, единственным родным человеком. Полиция решила, что это самоубийство, и он наглотался таблеток вместе с алкоголем, но Александр точно знал, что это не так. Даже то, что он сам в тот вечер попал в страшнейшую аварию, навсегда оставшись калекой с обожженным лицом и коленкой, которую теперь невозможно согнуть, мелочи по сравнению с утратой, которую не восполнить уже никогда.

Судорога пробежала по лицу Александра. Такое в последний год случалось часто, и Лия говорила, что это последствия аварии, но он точно знал, что это жажда мести. Она не дает спать, есть и жить, пока не выплеснется наружу.

— Ничего, — сказал он вслух, поглаживая дергающуюся щеку, — скоро все закончится. Подожди чуть-чуть.

И чтобы стало немного легче, Алекс достал телефон и включил видео, на котором брат, самый талантливый человек в мире, играл на гитаре и пел песню.

— Стояли двое у стены,

Простой, побеленной немного.

Один в ней видел лишь тупик,

Другой угадывал дорогу.

Один, заплакав, сел на пол

И стал поглядывать назад,

Другой сломать ее не смог

И просто молча бил фасад.

Пока уныло первый брел

Назад, ждала, где пустота,

Второй, пробив ступень, взошел.

Нащупав слабые места,

Он сбил костяшки пальцев в кровь.

Устал. И на щеке был мел.

Но он был из сорвиголов

И от побед лишь молодел.

Стояли двое у стены,

Простой, побеленной немного.

Как хочется, хотя б на миг

Стать тем, кто угадал дорогу.

Странно, но в этот раз и видео не помогло, головная боль лишь усилилась. Значит, остров ждет, и кто выживет, решит только он, Алекс Базаров.

КНИГА

Эта книга была уже зачитана до дыр. Каждая страница, каждая запятая была знакома и близка. Но сейчас, за три дня до Нового года, она читалась особенно душевно, словно успокаивая читающего и говоря ему: не переживай, уже скоро, очень скоро каждый получит по заслугам, и богиня Тисифона, мстящая за убийство, обрушит кару на виновных. Поэтому строчки старой книжки с засаленными уголками страниц читались сегодня особенно приятно.

От автора:
«Сначала я хотела написать о
Ирине Яковлевой-Тернер, но
позже поняла, что это будет
книга о мести.
Поэтому все, что вы прочтете
в ней, это мой художественный
вымысел и ничего более, а совпадения случайны».

Вендетта обязательна

1915 год, Санкт-Петербург
Приват-доцент Московского университета, юрист Яковлев

Ирина Яковлева была красавицей и умницей, гордостью заботливых родителей. Говорила на пяти языках, играла на скрипке, занималась конным спортом. С легкостью решала логические задачи и удивляла всех способностью запоминать такие детали, на которые другие не обращали внимание.

Поэтому на ее пятнадцатилетие отец хотел подарить ей что-то эдакое, что-то необычное. Приват-доцент, юрист, домовладелец, он мог позволить себе многое, но хотелось найти такой подарок для дочери, чтобы за ним была тайна, была история, была сила. Имея прекрасное образование и будучи начитанным человеком, доцент Яковлев в свои пятьдесят лет был уверен, что человеческая сила передается в вещи, которые его окружают. Поэтому он направился к своему давнему знакомому, специализировавшемуся именно на таких вещах. Но даже у него не было ничего интересного — так, шелуха одна. Расстроившись и уже собравшись уходить, Яковлев увидел необычное кольцо, которое лежало в самом дальнем углу, словно хозяин стыдился этого товара.

— А это что? — спросил Яковлев, указывая на замысловатое кольцо с большим изумрудом.

— Не советую, — сразу сказал старый друг. — Это кольцо Лукреции Борджиа, незаконнорожденной дочки папы римского Александра VI. По слухам, девушки красивой, но жутко несчастной. Считается, что с помощью именно этого кольца она отравила всех своих обидчиков.

Словно в подтверждение его слов верхняя крышка, украшенная изумрудом, откинулась, показав небольшую емкость.

— Здесь она хранила яд, которым вершила собственный суд, не дожидаясь небесного, — закончил он свой печальный рассказ, который должен был стать антирекламой для странного украшения.

Но покупатель воспринял информацию по-другому.

— Это же прекрасно, — засмеялся Яковлев. — Я беру его. Ты говоришь, девушка была умная и красивая, да еще и могла за себя постоять? Это как раз про мою Ирину. Скажу ей, что кольцо приносит удачу и власть.

— Хозяин — барин, — грустно согласился продавец, не разделяя радости наивного покупателя.

Вернувшись домой, привыкший все проверять Сергей Яковлев раскопал в своей огромной библиотеке упоминания про странную девушку Лукрецию Борджиа. Почему странную? Да потому что никто не мог составить о ней однозначного мнения. С одной стороны, это была умнейшая из женщин своей современности, ей легко давались не только языки — она могла свободно разговаривать на трех, а также знала латынь, — но и много других наук. Папа римский Александр, видя невероятный ум своей дочери, доверял ей канцелярию папского двора, а также назначил ее правительницей городов Сполето и Фолиньо, что было равнозначно должности губернатора. Но была и другая сторона, с ядом и множественными отравлениями богатых вельмож. Однако это было не доказано, а основывалось только на слухах. Вспомнив, что в Европе того времени голословные обвинения являлись нормой, приват-доцент Яковлев облегченно вздохнул. «Хорошо, что хоть они ее еще ведьмой не нарекли и на костре не сожгли», — ухмыльнулся он про себя. Все, что он прочитал о бедной Лукреции, на которую повесили столько ужасных и необоснованных обвинений, очень подходило его Ирине. Она была красавицей и умницей, а таких не любят, таких боятся и обычно сочиняют всякие небылицы.

Вечером в доме Яковлевых было много гостей и веселый ужин по поводу дня рождения Ирины. Кольцо имениннице пришлось по нраву, она надела его на палец и закружилась в вальсе с очередным кавалером. Ирина была весела и прекрасна, Яковлев был очень горд своей дочерью и рад, что угодил ей, оттого пребывал в прекраснейшем настроении, не замечая подозрительного покалывания в области сердца.

Ночью профессора Яковлева не стало — он ушел в лучший мир быстро, не мучаясь, в полном душевном спокойствии, что оставил дочке и жене приличное состояние, которое позволит и им, и его внукам жить спокойно, не думая о деньгах. Но он даже не подозревал, что грядет страшный 1917 год.

Глава 2

День рождения без голубого вертолета

Люди могут любить свой день рождения, могут не любить, но и те, и другие не будут спорить, что этот день для того, чтоб на миг взглянуть назад. Вспомнить прошлое, близких людей, что шли с тобой по жизни, но уже потерялись на тропинках. Вспомнить свои взлёты и падения, свои мечты и страхи. Начиная с тридцати пяти лет, каждый мой день рождения проходил в депрессии и словах: «Я ничего не сделала в этой жизни». Вздыхала я в основном мужу и тихо. Он как мог уговаривал меня, что я хорошая мать и прекрасная жена, но я возражала, что это не профессия. Спустя десять лет, когда мы с ним отмечали моё достижение: автор года в жанре детектив, то вспоминали те дни рождения в депрессии. Видимо, я что-то чувствовала, что-то внутри не давало мне покоя. Слушайте свою душу в дни рождения, она разговаривает с вами, я это теперь точно знаю.

Юлия Ефимова, записки в стол

— Да не будет у меня уже ничего хорошего, — вздохнув, сказала Марго, выслушивая очередной пафосный тост. — Мне сорок шесть, и это конец.

Вся съёмочная группа загудела, пьяно опровергая сказанное любимым продюсером. День рождения Маргариты Базаровой совпал с окончанием съёмок нового шоу, и все праздновали два эти события скопом. Вернее, даже три — двадцать девятое декабря не давало забыть о приближении Нового года.

— Повезло тебе, Марго, — сказал ведущий шоу. Он был запойный и держался как мог весь съёмочный процесс, но сейчас дал себе волю, оттого раньше всех опьянел и уже еле вязал языком. — Родилась на самый Новый год.

— Это худшее, что случилось со мной в жизни, — ответила Рита, опустошая свой стакан с виски. — Когда у тебя день рождения перед Новым годом, всем на тебя наплевать. Люди с упорством пьяного суслика закупаются подарками, ходят в парикмахерские и ждут чуда. Редкий человек вспомнит о твоём дне рождения. Хуже только день рождения первого января. С моим бывшим мы были полярные люди, и я почти уверена, что сошлись лишь на солидарности в одном — в искренней ненависти к Новому году. Хотя и этот говнюк в очередной раз не вспомнил о моём дне рождения.

Ведущий уже давно потерял интерес к её монологу и пьяно объяснялся в любви одной из танцовщиц кабаре.

— Марго, кстати, о твоём бывшем, — тихо сказал непутёвый младший брат. Рита была ему вместо матери, тащила из класса в класс в школе, затем с курса на курс в институте, в надежде, что тот хорошо устроится и будет зарабатывать себе на жизнь. Но ожидания оказались напрасными: братику уже тридцать шесть, а Марго тянет его из проекта в проект, не давая умереть с голоду. — И я, и Бронислав, мы не хотим отмечать с ним Новый год. Да, Роня? — окликнул он своего племянника, сидящего через стол напротив. Разница в возрасте у них была всего десять лет, а, как известно, она стирается после двадцати — молодые люди общались как друзья.

— Мам, Кирилл прав, — сын вскочил и, обогнув пьяное торжество, подключился к семейному совету. — Он после смерти Влада и аварии, наверное, совсем с катушек слетел. Вот зачем мы ему для празднования Нового года? В семью решил поиграть? Двадцать шесть лет не хотел, а тут вдруг нате. Он меня даже в палату к себе не пустил, когда лежал там. Нет, я и

сам не горел желанием, но ты настаивала, семейные узы и всё такое, отец всё-таки… А он не пустил, медсестра так спокойно передала мне царский отказ. А тут целый Новый год. Тут нет никаких вариантов: папаня что-то задумал, и, поверь, нам это точно не понравится.

— А вот тут я поспорю с племяшом, — сказал Кирилл, глотнув из бумажного стаканчика шампанское. — Возможно, всё более прозаично, и он решил, как у Пушкина, помните: «Мой дядя самых честных правил, когда не в шутку занемог, он уважать себя заставил и лучше выдумать не мог».

— Нет, — вздохнула Марго. — Это не про Алекса, он ничего просто так не делает. Вот Влад мог, ему нужен был гротеск, представление, он мог что-то сделать просто ради красивой сцены, но не Алекс. Этот состоит из цифр и расчёта, и я соглашусь с Роней: он, скорее всего, что-то задумал. Но мы с вами всё равно туда едем.

— Ты самоубийца, — больше констатировал факт, чем спрашивал сестру Кирилл. — Пора уже рвать и без того оборванные узы брака. Ты ему ничего не должна, все проекты, в какие он вкладывался, ты отработала сполна. Ты ради очередной подачки, которую, надо сказать, после честно отрабатываешь, готова на всё.

— Кирюша, иди в задницу, — беззлобно сказала именинница, осушив ещё один бокал с виски.

— Фи, как грубо. Вот ты, сестрёнка, думаешь, будешь вести себя как мужик, ругаться матом и этим защитишься от всего мира?

— Я думаю, — сказала Марго, — что ты человек нетрадиционной сексуальной ориентации. Это не очень грубо?

— А вот это наглый поклёп, — обиделся Кирилл и даже отвернулся от собеседницы, но, видимо, несправедливое обвинение не хотело оставаться без ответа, и брат продолжил: — Я просто не могу с кем попало, я выбираю.

— Ага! — засмеялась Марго. — У нашего неженки такие требования, что в этой вселенной, похоже, достойной партии не найти.

— Я попрошу убрать обидный сарказм из вашего, мадам, голоса, — воодушевился сказанным Кирилл и даже подпрыгнул на стуле. — Вот тут я с тобой соглашусь. Все женщины обабились или стали настолько эмансипированными, что противно. Непонятно, с кем в постель ложишься — с бабой или мужиком. Тут поневоле за ориентацию страшно становится.

— Ладно, — Бронислав попытался вернуть разговор в нужное русло, — нам нужно решать, как отказать папочке, а не ссориться меж собой.

— Он обещал мне новый сезон «Робинзонов». Полностью, — последнее слово Марго выделила голосом. — И я не могу от этого отказаться, — поставила она точку в разговоре, тяжело вздохнув.

Минутная пауза тянулась вечность, словно мужчины проговаривали услышанное про себя, чтобы точно понять, что им не послышалось.

— Я, чур, ведущий! — подскочил от радости Бронислав, первым придя в себя от новости, и по-детски закричал. — Не возьмёшь же ты второй раз этого алкаша, он испортит тебе всё шоу.

— Этот алкаш — имя, а ты никто, — сказала Марго жёстко. Но, увидев, как это «имя» в данный момент испражнялось в углу съёмочного павильона, добавила: — Но ты прав, пора дедушке на пенсию.

— Я тоже не прочь поучаствовать в проекте, у меня ипотека, да и машину я давно хотел поменять, — сказал Кирилл и добавил: — Если, конечно, королева Марго не против.

— Королева-то не против, но если мы все хотим этот проект, то нам придётся… Как ты там цитировал Пушкина? — обратилась она к брату.

— Уважать придётся, — вздохнул тот.

— Вот-вот, — подтвердила Марго, что-то обдумывая в голове. — Поэтому нужно ехать, отмечать Новый год и усиленно уважать, так, чтобы у него даже мысль не промелькнула, что мы его ненавидим.

— Ну и где нынче отмечают Новый год российские селебрити? — спросил Кирилл безучастно, но ответ сестры заставил его выпучить глаза.

— В тропическом и жарком Таиланде.

Глава 3

Бульвар Капуцинок

Сальвадор Дали говорил: «Предел тупости — рисовать яблоко, как оно есть. Нарисуй хотя бы червяка, истерзанного любовью, и пляшущую лангусту с кастаньетами, а над яблоком пускай запорхают слоны, и ты сам увидишь, что яблоко здесь лишнее».

Это очень схоже с человеческой жизнью: предел тупости — прожить ее скучно, когда в мире есть картины, музыка, книги.

Юлия Ефимова, записки в стол

— Вы знаете, что Моне написал два «Бульвара Капуцинок»? — спросила Рузанна мужчину, который стоял в пустом зале Пушкинского музея, пристально вглядываясь в прохожих на оживленном бульваре, словно пытаясь узнать в этих тонких графических фигурах своих знакомых.

— Безусловно, — ответил он, оторвавшись от созерцания. — Горизонтальная и вертикальная. И вы знаете, — обратился он к ней, — не в обиду Ивану Морозову, который приобрел в свою коллекцию эту, горизонтальную, и уж, конечно, не в обиду вашему музею, вертикальная, что хранится в музее искусств в Канзас-Сити, мне нравится несколько больше. В ней есть некая проекция, я бы сказал, глубина.

— Зато здесь широта, — поспорила с мужчиной Рузанна.

— Но я думаю, вы хотели со мной поговорить не о Клоде Моне и его изобразительных подвигах на балконе фотографической студии Надара? — перевел разговор в деловое русло собеседник.

— Да, — Рузанна махнула головой и оглянулась.

Музей был уже давно закрыт, а коллеги отмечали Новый год тортом и хорошим шампанским в кабинете заместителя директора. Рузанна специально выбрала это время для встречи, чтобы можно было поговорить без свидетелей.

— Мы с вами давно знакомы, — начала она говорить, словно подбирая каждое слово, — поэтому я надеюсь, что разговор останется между нами.

— Безусловно, — не задумываясь, подтвердил собеседник.

— Мне нужна хорошая копия Моне «Мыс Боре». Очень хорошая, — подумав, добавила Рузанна. — Такая, чтобы простой обыватель не понял разницы. У вас есть такие специалисты?

— Милочка моя, я, бесспорно, знаю многих талантливых художников, но мне кажется, или вы попали в неприятности? — поинтересовался мужчина.

— Нет, поверьте, тут нет никакого риска и никакого криминала. Простите, но я не могу вам всего рассказать, — проговорила Рузанна и по-детски приложила руку ко рту, словно боялась сболтнуть лишнего.

— Не можете всего, скажите тогда, с чего рисовать, — развел руками собеседник. — Картина уже очень давно где-то в частной коллекции и не выставляется, а по каталогам хорошо не нарисуешь, — мужчина произносил слова с явным одесским акцентом, и сейчас было не понять, шутит он или говорит всерьез.

— С этим проблем не будет, — уже более уверенно заговорила Рузанна. — В январе у нас выставка импрессионистов, и эта картина тоже будет выставляться. Поэтому можно ходить, обсматривать, обнюхивать и даже фотографировать.

— Ну знаете, — возмутился мужчина, — рисовать по памяти, притом очень хорошо — это почти проблема.

— Значит, нет, — быстро сдалась Рузанна, вздохнув и нервно поправив волосы. Она словно ждала отказа как спасения и боялась одновременно.

— Это не значит «нет», это значит дорого и надо подумать, — философски закончил собеседник.

— Спасибо, — женщина не выдержала и на эмоциях обняла уже немолодого мужчину.

— Мне, конечно, приятно ваше спасибо, — улыбнулся он, — но деньги так не появляются.

— Деньги есть, — быстро успокоила она своего собеседника, одновременно соображая, где может еще взять, если не хватит скопленного.

— А вот это правильно. Моя мама говорила: «Берегись тех, кто обещает что-то за ничто. Потому что за все в этом мире надо платить». Я позвоню вам, когда буду знать, что ответить.

Рузанна с легким сердцем вернулась к празднующим коллегам. Поздравления уже вошли в активную фазу: люди читали самодельные новогодние стишки и стандартно желали любви, удачи и денег.

«Любви», — ухмыльнулась она про себя.

Рузанна уже давно все для себя решила и все себе объяснила. Любовь — это, скорее всего, не для всех. И радость материнства тоже. У каждого своя судьба, и не стоит строить лишних иллюзий в тридцать девять лет. В мире много прекрасного и без этого омерзительного чувства зависимости и боли, которое люди называют любовью. Как там писал Есенин: «Нужно обязательно хоть раз в жизни полюбить, иначе вы так и будете думать, что это прекрасно». Рузанна согласилась с классиком уже давно и не чувствовала по этому поводу никаких душевных терзаний.

— А я вам всем желаю побольше прекрасных выставок в нашем музее, — сказала Рузанна, когда очередь дошла до нее.

Коллеги громко засмеялись, подумав, что это шутка, но она не шутила. Все счастье в ее жизни заключалось в служении шедеврам искусства, так воспитали ее родители, такое они ей оставили жизненное завещание.

Глава 4

Не смотрите новости на ночь

Современному человеку очень трудно стало жить в глобальном информационном пространстве. Телевидение, интернет — все наперебой хотят первыми поведать ему новости, настоящие или нет, это уже не важно. И вот маленький человек, поглощая всю эту мешанину, просто задыхается от переизбытка информации.

Информационная гигиена — новый тренд современного мира. И соблюдать ее надо еще более тщательно, чем обычную.

Юлия Ефимова, записки в стол

Дамир наполовину, надо сказать, на свою лучшую, как он считал, половину, был татарин. Он искренне считал, что все положительные качества ему достались от матери. Он даже в подростковом возрасте хотел сменить свою незвучную фамилию Иванов на звучную татарскую Хайрулин. Хотелось ему это сделать еще и потому, что тот, кто наградил его этой самой русской фамилией, тихо замерз пьяным в сугробе, когда Дамиру не исполнилось и десяти лет. Он очень стыдился данного факта и каждый раз врал, когда у него спрашивали про отца. Дедом же по материнской линии, который носил красивую татарскую фамилию, мальчик, наоборот, очень гордился и всякий раз рассказывал про него друзьям. Честно сказать, там было чем гордиться, — директор огромного завода в Казани. Его уважали и боялись. Дед легко находил подход к людям и незаметно для них самих заставлял ему прислуживать. Именно он и отговорил от столь резкого поступка внука:

— Знаешь, — сказал он ему, немного подумав, когда Дамир пришел, надо сказать, не за советом, он пришел уже с готовым решением и надеялся, что дед обрадуется, — я бы тебе не рекомендовал это делать. В нашей стране легче быть русским.

Дед был очень мудрым и умным человеком. Во время перестройки он выкупил завод, который возглавлял, и стал одним из богатейших людей Казани. Но Дамир до сих пор не мог понять, как дед, умнейший человек, мог позволить матери выйти замуж за Витю Иванова, нищего студента. Тот к тому же имел дурную наследственность, которой не поленился воспользоваться, и стал пить, много и беспробудно. Нет, мать Дамир не судил, он, как настоящий мужчина, жалел ее и уважал, несмотря ни на что, но считал, что дед должен был оградить свою дочь от участи жены алкоголика.

— Что смотришь? — в комнату вошла девушка Дамира.

Они были вместе уже полтора года, и он, как ни странно, не спешил с ней расставаться. Обычно девушки у него менялись одна за другой. Дамир не хотел привыкать и, возможно, даже боялся этого. Поэтому каждый раз, когда очередная пассия, сморщив носик, спрашивала, где они будут проводить следующий отпуск, он понимал, что пора уходить. В этой же было что-то родное, что-то, что вызывало в душе приступ тепла, и, хотя критическая отметка была пройдена, он решил все же Новый год отметить вместе.

— А ты почему без звука? — забеспокоилась она. — Голова опять болит?

— Нет, — улыбнулся он, — просто задумался.

Только сейчас Дамир отчетливо понял, чем эта девушка, младше его на десять лет, так зацепила, — заботой. При своей красоте и грации, при своем уме она так искренне за него волновалась, что даже не возникало ни грамма сомнения, что он ей небезразличен. Бывших

пассий волновали шмотки, поездки к морю и топовые рестораны Москвы, поэтому эта разница и подкупила старого холостяка Дамира настолько, что он не заметил, как пролетело время.

— Ой! — воскликнула девушка и, схватив пульт, прибавила звук. — Смотри, твой друг. Ну помнишь, ты мне про него рассказывал? Кстати, ты обещал меня с ним познакомить. Ты же знаешь, я психолог, и мне интересен его случай.

Дамир поднял руку и остановил речь Веры, показав резким жестом, чтобы она замолчала. И это тоже было очень ценное качество — девушка тут же, прибавив еще звук телевизора, сделалась немой.

— На этой неделе из-за границы вернулся Александр Сергеевич Базаров, — говорил ведущий. — Напомню, что он проходил там лечение после жуткой аварии, в которую попал год назад, везя в больницу своего брата. Бизнесмен обнаружил его в собственной квартире при смерти с признаками отравления. В предновогодний день ждать скорую пришлось бы очень долго, поэтому Александр Сергеевич Базаров решил везти брата в больницу самостоятельно. На скользкой дороге машину занесло, и она дважды перевернулась. Александра вытащил из машины проезжавший мимо полицейский, Владу же Базарову на тот момент помочь уже было нельзя. Он умер от отравления организма сильнодействующими веществами. Очень знаковым является то, что именно сегодня следствие закрыло дело, придя к выводу, что это было самоубийство и Владислава Базарова никто не убивал. Послушаем, что на эту новость ответил бизнесмен нашему корреспонденту в аэропорту Москвы.

— Я уверен, что это было убийство, — сказал мужчина в маске и очках, закрывающих все лицо. То, что это красавец Алекс Базаров, можно было понять лишь по его шикарной прическе из пышных черных волос с красивым чубом на голове. — Я не оставлю это и буду подавать жалобу, требуя дополнительного следствия. Виновные должны и будут наказаны.

Он словно сказал заранее заготовленную речь и, не обращая внимания на дополнительные вопросы молоденькой журналистки, покинул здание аэропорта.

Дамир выключил телевизор и продолжил смотреть в экран.

— Что-то не так?

Вопрос прозвучал неожиданно, мужчина словно забыл, что не один.

— Нет, все нормально, — Дамир стряхнул с себя ненужные мысли. — Ты спрашивала, где мы будем отмечать Новый год. Так вот, для тебя это будет два в одном. Алекс пригласил нас сделать это в его компании, там я вас и познакомлю. Иди собирайся, мы летим в Таиланд.

Дамир был напуган, он не знал, что ожидать от такого Алекса. Раньше никто не знал, что ожидать от Влада, вот кто был человек-вулкан. Александр же был больше похож на его тень, скучную и расчетливую. Но сейчас, после пережитого, он уже не будет прежним. Все знают его патологическую любовь к брату, которая сейчас, скорее всего, станет патологической жаждой мести. Занятый своими невеселыми мыслями и подавлением внутреннего страха, Дамир не заметил, как заблестели глаза у Веры. Хотя если бы даже он увидел это, то принял бы за детскую радость от поездки в тропическую страну.

Глава 5

Журналист, он еще немного следователь

Не все тайны в этой жизни должны быть раскрыты. Многие должны, как бутылки с письмами, выброшенные с кораблей, оставаться в забвении, лежать веками на дне моря. Правда бывает разрушительна настолько, что своей волной может уничтожить не только человеческую судьбу, но и саму жизнь.

Юлия Ефимова, записки в стол

— Скворцова, хватит работать, — в кабинет заглянул друг и коллега Вольдемар, по паспорту просто Владимир, с явными признаками празднования Нового года на лице.

— Ну, судя по твоему довольному лицу, торопиться мне уже некуда: ты опустошил все запасы спиртного на вечеринке, — сказала Юлианна, складывая бумаги в папку.

Она все-таки решилась поехать и отметить Новый год с этим Алексом Базаровым. Девушка долго отказывалась, пока его помощник не сказал фразу, которая стала для нее решающей. «Там он расскажет, кто убил Влада. Александр собственными силами провел расследование». И все, после этого она уже не могла отказаться. «Убили Влада» — так не говорил никто, кроме самой Юлианны. Все склонялись к выводу, что это самоубийство, а следствие проводилось только ради проформы. Юлианна весь год тоже проводила свое личное расследование. Она точно знала, что Влад не мог это сделать: у них была куча планов, куча мечтаний. Они только нашли друг друга, и он обещал, что не расстанутся больше никогда. Он просто не мог так с ней поступить. И тут из трубки ей сказали, что предатель — а Юлианна именно так для себя окрестила Алекса за то, что он уехал, за то, что бросил расследование на произвол судьбы и не добивался, чтобы преступник был наказан, — оказывается, тоже не верит в самоубийство.

— Скворцова, ты бука, — сказал, пьяно улыбаясь, Вольдемар. Так его нарекла Юля еще в институте, и пафосное имя прилипло к молодому человеку настолько плотно, что уже сам Вова Шкода представлялся Вольдемаром при знакомстве. Он был щупл и по-мужски невыразителен, поэтому такое имя украшало его, хоть немного делая интересным. — Скажи, на Новый год к тебе, как всегда?

— Нет.

Юлианна оглядела стол, не забыла ли она чего. Ей нужен каждый документ, каждая записка, которые она собрала за это время, чтобы проверить версию Александра Базарова.

— Как нет? — перестал улыбаться Вольдемар и, выпучив глаза, уставился на подругу. — Мы же всегда… Я уже решил… — он пытался подобрать довод получше, но у него не получалось, то ли от количества выпитого, то ли от обиды.

— Ладно, не хнычь, — сказала Юлианна, убирая свои папки в рюкзак, — не в тебе дело. Просто я еду отмечать Новый год в Таиланд.

— Круто! — подскочил друг. — Возьми меня с собой? Что я буду десять дней делать в холодной Москве?

— Давай по-честному: не без тебя, а без твоей квартиры, — сказала Юлианна, вздохнув.

Вольдемар был не местным и снимал квартиру на троих с двумя студентами. Те на любые большие и маленькие праздники устраивали шабаш, и жить в квартире становилось невозможно. Не помогали ни просьбы, ни угрозы, съезжать от них тоже было не вариант, потому как иначе вся зарплата журналиста уходила бы на съем квартиры. Поэтому Вольдемар нашел свой

выход из сложившейся ситуации: на праздники он переезжал к своей институтской подруге, а ныне коллеге — Юлианне.

— С мужчиной едешь? — по-детски завистливо вздохнул Вовка Шкода, видимо, смирившись с тем, что придется терпеть гуляния широкой русской души все десять дней.

— С мужчиной, — кивнула согласно головой Юля. — С Александром Сергеевичем Базаровым.

— Что?! — Вольдемар подпрыгнул на месте от новости. — Зачем?

— Он пригласил меня отметить Новый год вместе и через вежливого слугу передал, что откроет мне тайну, кто убил Влада. Завтра самолет, — сказала Юлианна, оглядывая свой кабинет.

Она была уже полностью одета и собиралась выходить. Ей не хотелось праздновать с коллегами наступление Нового года. Сегодня у нее горе, она возьмет бутылку белого вина, такого, какое любил Влад, и выпьет ее в одиночестве, вспоминая все хорошие моменты, которые успели у них произойти за такое короткое время, что они были вместе.

— Возьми меня с собой! — взмолился Вольдемар. — Я тебе пригожусь, я даже сам самолет оплачу, я на машину копил. Да бог с ней, с этой машиной. Тебе нельзя одной туда. Я слышал, у него не только травмы, у него еще и крыша поехала на фоне смерти брата.

Юлианна подошла к большому панорамному окну. Внизу шумела жизнь, с красивых праздничных билбордов то тут, то там знаменитости поздравляли страну с Новым годом. Словно магниты, елки на площадях притягивали туристов и жителей столицы своими огнями и обязательным горячим глинтвейном из огромного бака. Все были в предвкушении Нового года. Вовка ей и правда там не помешал бы, но она не может потерять еще одного родного человека. Сначала мама, потом Влад. Вольдемар остался единственным, кому она могла верить, как себе. Он прав, это может быть опасно, но это ее война, и больше жертв Юлианна не допустит. Ее профессия журналиста очень схожа с работой сыщика, и потому Юлианна может что-то узнать. Да что там, она уже почти все узнала. Остались только небольшие штрихи, которых не хватало для полной картины.

Развернувшись к окну спиной, она подошла и по-сестрински обняла Вольдемара. Минута была чересчур мимимишная, и Юля нарочито весело сказала:

— Ладно, уговорил, оставлю тебе ключи от квартиры. Только девок, чур, не водить, квартира исключительно для личного пользования. На, — она протянула другу запасной комплект и решительно вышла из кабинета.

Она должна докопаться до истины и наказать убийцу Влада, даже если им окажется его родной брат.

Книга

Книга всегда успокаивала и вселяла надежду. Сейчас уже и не вспомнить, с какой книжной полки она сошла. Было понятно одно: сделала она это очень вовремя, тогда, когда казалось, что все кончено.

Сентябрь 1917 года, Петроград
Ирочка Яковлева

— Доченька, одумайся, — мама снова начала разговор, который ничего не решал, сейчас-то уж точно. Сумки были собраны, оставалось только дождаться Николая.

— Мама, я уже полгода как обручена, — как довод выдвинула Ирочка, поправляя у зеркала шляпку.

Ей необычайно шли разного рода шляпки, и она меняла их постоянно, благо папино наследство позволяло им с мамой жить безбедно. При воспоминании о папе Ирочка снова взглянула на кольцо, которое тот подарил ей на последний день рождения, когда был с ней. Ирочка не особо вслушивалась в историю украшения, в надежде, что выспросит все потом, но потом не случилось. Именно тогда она поняла, что в жизни слово «потом» — очень неоднозначное и не всегда правильное.

Странное кольцо с тайником внутри страшило и притягивало одновременно. Одно Ирочка помнила доподлинно: когда-то кольцо принадлежало сильной женщине, и эту силу теперь передает всем последующим своим хозяевам.

— Да и вообще, — нахмурилась девушка в зеркало, — наступают другие времена. Женщины скоро будут иметь столько же прав, сколько и мужчины. Может быть, я вообще в правительство попаду.

— Не говори глупости, — сморщилась женщина от слов дочери. — Помяни мое слово: это ужасное время до добра не доведет. Давай лучше уедем с тобой в Париж, пока твой жених будет кататься по губерниям, ища поддержки для временного правительства и, в частности, этого негодяя Керенского.

— Мама! — дочь в беспомощности вскинула руки. — Сколько раз я просила вас не называть его негодяем. Хорошо еще, что Николай этого не слышал. Он верит Керенскому и считает, что так мы сможем создать новое свободное государство.

— А вот дворянское сословие никогда не протянет руку этому председателю временного правительства — фу, даже звучит ужасно, — которому так верит твой жених. Ему не простят падения монархии. А твой Аркелов лучше бы остался адвокатом. Профессия хоть и грязная, но не настолько, как помощник дьявола, — тихо сказала мать, но Ирина услышала и решила не идти в дальнейшую конфронтацию, а все-таки успокоить родительницу.

— Милая моя, — Ирина подошла и обняла родные плечи, — я люблю его и, как настоящая жена, полностью разделяю все его убеждения. Как вы с папой, помнишь? Я всегда восхищалась вами и мечтала так же прожить жизнь с любимым человеком. Он лучший мужчина на свете, умный, добрый, благородный. На таких, как он, держится Россия, такие, как он, и спасут ее из этого, как ты говоришь, смутного времени, а монархия — уже пережиток прошлого. Парламентская республика — вот к чему стремится сейчас Россия. Мамочка, милая, вы еще будете гордиться своим

зятем. Возможно, с его умом и благородством он и сам когда-нибудь займет место в правительстве.

— Куда хоть вы точно едете? — женщина словно сдалась под натиском слов своей единственной, а оттого горячо любимой дочери.

— Я точно не знаю, возможно, это государственная тайна, — легкомысленно засмеялась Ирина, видя, что буря миновала. — По-моему, я слышала, в Центрально-Черноземный район, но это не имеет абсолютно никакого значения, потому как мне с Николаем будет хорошо везде.

В этот момент послышались шаги, и в двери появился виновник нынешнего спора. Николай Аркелов не был красавцем, к тому же имел слабое зрение и хромоту от рождения, подтягивая при ходьбе не полностью функционирующую ногу. Не о такой партии для красавицы-дочери мечтала мать. Когда за светящейся от счастья парой закрылась дверь, мать тяжело вздохнула и, перекрестив их спины, сказала:

— Ну, возможно, ты и права, доченька.

Хотя материнское сердце почему-то неустанно ныло, предвещая беду.

Глава 6

Семейные узы

Семья — это прекрасно. Огромное счастье иметь огромную, дружную, сплоченную семью, но для полного счастья лучше жить с ней в разных городах. Тогда идиллия гарантирована.

Юлия Ефимова, записки в стол

— Что ты здесь делаешь? — Бронислав увидел в зале ожидания бизнес-класса аэропорта свою жену, и желваки заходили у него на щеках. — Какого лешего, я спрашиваю, ты здесь делаешь? — зло прошипел он, наклонившись к ее уху.

Было видно, как девушка испугалась и даже немного втянула голову в плечи, словно хотела защититься от мужа.

— Меня тоже пригласили, — голосом игрушечной Барби произнесла она.

Бронислав хорошо знал цену и этому голосу, и шикарным белым волосам с прической Мэрилин Монро, и даже загадочной мушке над пухлой губой. Хорошо знал, но, видимо, эта болезнь неизлечима, потому как от ее голоса пробежали мурашки по телу.

— Слышишь, ты, — грубо начал он, но насильно остановил себя и уже спокойнее сказал: — Наташа, мы с тобой обо всем договорились. Мы делаем вид, что вместе ради твоей мамы, которая сейчас восстанавливается после операции на сердце. Мои все знают, что мы не вместе. Так какого черта ты здесь, спрашиваю я тебя? — было видно, как молодой человек сдерживается, чтобы не начать кричать.

— Ты же знаешь, я не люблю это имя, — сказала девушка, сморщив свой красивый вздернутый носик. Было такое чувство, что ее задело только то, как он ее назвал, все остальное красавица пропустила мимо ушей. — Милый, называй меня, пожалуйста, Сандра. Возможно, вокруг сидят мои подписчики, и ты меня дискредитируешь.

— Какие мы слова знаем, — к столику подошла Марго и с ходу вцепилась в ненавистную невестку. — Боже, Натуля, а где это ты его услышала, в каком видосике подсмотрела? Выкинь его срочно из головы, не засоряй свой кристально чистый мозг, — и она громко захохотала. Подошедший следом Кирилл поддержал ее, оценив шутку сестры.

— А ты, как всегда, не один, а в сопровождении семейства, — сказала Сандра, не сменив тона, и получилось неясно, то ли она хвалит, то ли смеется над Брониславом.

— Ну мы-то понятно, — сказала Марго, разместившись в удобном кресле зала ожидания, и продолжила говорить, не обращая внимания на бормотания невестки. — Мы летим отмечать Новый год семьей. А ты-то чего собралась? Сыночка, принеси мне виски, — скомандовала она, и когда тот удалился, наклонилась и зашипела: — Слушай меня внимательно, Сандра недоделанная. Кому бы ты в своем интернете была бы интересна без мужа-актера и его знаменитых родителей? Я знаю, почему ты захотела поехать к Александру, хайпануть хочешь на родственных связях. Так вот, я тебя предупреждаю: делай что хочешь, только не вздумай уши ему греть про Роню и меня. Да у тебя это и не получится, поверь мне. Это тебе не Влад, Алекс сделан из другого теста. Это тебе только кажется, что ты его очаруешь. Этот зверь раскусит тебя и даже не подавится. Но если же твоя белесая морда все-таки решится перейти мне дорогу, знай, я не Роня, я тебя просто убью.

Тирада была долгой и вдохновенной, но Марго успела сказать невестке все, что планировала, до прихода сына. Глотнув сносный виски, она повернулась к примолкнувшей девушке и с улыбкой на лице сказала, словно только что вспомнила:

— Знаешь, а ведь мне ничего за это не будет, я в этом деле почти профи.

— В чем? Ты о чем, мам? — спросил непонимающе Бронислав у сидящих за столом.

— Не обращай внимания, — улыбаясь, успокоил его Кирилл. — Мама, как всегда, хвастается своим умением убеждать людей. Вот и жену твою бывшую пыталась убедить на семейном празднике не высовываться. Я тебя, Сандра, действительно не понимаю, — Кирилл считал себя дипломатом, и поэтому специально назвал бывшую невестку так, как она любила, — вот зачем тебе туда лететь? Сидела бы в Москве, видосики свои пилила, лайки получала. Вон мэр сколько настроил декораций новогодних для тебя, снимай не хочу, все четырнадцатилетние дурочки у тебя в подписчиках ленту порвут от лайков. Вот я бы не поехал, если бы имел такую возможность, — закончил философски Кирилл, и последняя фраза была сказана от души.

— Во-первых, я не бывшая жена, — все так же тихо и манерно ответила виновница скандала. — А во-вторых, что я скажу маме? Почему отмечаю Новый год отдельно от семьи? Она начнет переживать, а ей нельзя, — скупая слеза наполнила глаза блондинки, но не потекла. Видимо, хозяйка посчитала, что будет достаточно и просто мокрых глаз.

— Ладно, — сдался Бронислав. — Только спать мы будем в разных комнатах, — поставил он условие.

На этих словах Марго громко захохотала.

— Дурак ты, сыночка, — сказала она расстроенно, просмеявшись. — Ей не это нужно, эта стервятница едет за другим, совсем за другим. Ну а тебя я предупредила, — подвела она итог, ткнув указательным пальцем в блондинку, и залпом осушила стакан с виски.

— Ой, чувствую, ребята, Новый год предстоит у нас с вами замечательный, — ухмыльнулся Кирилл, глотнув шампанского. — Компания подбирается шикарная, не люди, а золото.

Глава 7

Девять часов, полет нормальный

Где-то прочитала интересную теорию, что человеческая душа не может двигаться быстрее 200 км в час, и когда мы летим на самолете, она отстает от нас и нагоняет свое тело только через несколько дней. Именно поэтому мы обычно выходим из самолета такими опустошенными и приходим в себя не сразу. При путешествии в поезде такого эффекта не наблюдается. Сказка, конечно, но интересная, особенно если учесть, что в ощущениях многое совпадает.

Юлия Ефимова, записки в стол

Сюрпризы начались еще в аэропорту. Юлианна, конечно, ожидала, что они будут, но не ожидала, что так быстро. Билет, что прислал ей помощник Базарова, был в бизнес-класс огромного самолета, поэтому девушка надеялась устроиться поудобнее в просторном кресле и продолжить изучать, а точнее, подводить к общему знаменателю документы, которые ей удалось накопать по этому делу. Юля была журналисткой до мозга костей, ей даже казалось, что она уже родилась журналисткой, поэтому каждая ее статья была маленьким расследованием. Благодаря опыту и уже немного связям ей удалось получить и материалы следствия, которое очень долго топталось на месте, но все же пришло к выводу о самоубийстве Влада Базарова. Конечно, Юлианна бегло прочитала их, но хотелось долго и вдумчиво, привязывая к уже имеющимся данным.

— Привет, Скворцова, — услышала она знакомый до боли голос.

Юлианна настолько не хотела верить в самую явную версию происхождения сего голоса, что в голове промелькнула спасительная мысль о звуковых галлюцинациях. Но действительность не сжалилась над ней, и поэтому, когда девушка повернулась, то увидела улыбающееся лицо Вольдемара.

— Что ты здесь делаешь? — как душевнобольному, по слогам произнесла она свой вопрос.

— Ну, я билет купил на твой самолет, — очень просто ответил друг и для достоверности протянул посадочный талон. — Вот, место 25Д. А у тебя какое? — поинтересовался Вовка так, словно ничего сверхъестественного не происходит, и он сверяется с ней билетами на электричку.

— Да уж, далековато от тебя, это точно, — выдохнула она. — Наш миллионер купил мне билет в бизнес-класс.

— Еще один довод к тому, что ему что-то от тебя нужно. Нормальные люди такими деньгами не разбрасываются, — развел руками Вольдемар, словно билет в бизнес-класс подтверждал его слова без сомнений.

— Где жить будешь, ты об этом подумал? — Юлианна не стала углубляться в дискуссию о деньгах и ненормальности, потому что считала, что и того, и другого у Алекса Базарова сполна.

— Ну пойму, где поселит тебя наш миллионер, и найду что-то поблизости. Тебе правда одной нельзя, — последнюю фразу он сказал, уже не улыбаясь. — Ты мне очень нужна, я не могу так рисковать. Впереди Рождество, а потом и День святого Валентина с последующим шабашем из симбиоза праздника мужчин и женщин. Причем у моих соседей по съемной квартире эти праздники вытекают один из другого без перерывов, поэтому там без вариантов.

Юлианна понимала, что он пытается шутить, чтобы сгладить ситуацию.

— Ладно, пошли, — вздохнула она, в душе полностью соглашаясь с другом и где-то даже радуясь его решению. — Что у тебя с рукой?

Только сейчас Юля заметила, что еще вчера целый Вольдемар держит руку в гипсе, подвязанную на красивом женском платке.

— Да это я вчера как в том фильме, — вновь заулыбался до ушей Вовка, поняв, что буря миновала. — Упал, очнулся, гипс.

— Перепил, — констатировала Юлианна и, как маленького, потрепала его по голове.

— Не совсем, — поспешил объясниться тот. — Мария Ивановна, ну наш бухгалтер, пригласила меня на танго, но так как я уже был не свеж и вес партнерши сильно превышал мой собственный, то при очередном па не удержал равновесия и грохнулся прям на мадам бухгалтершу.

— Так при чем тут твоя рука? Насколько я помню, там можно было приземлиться мягко и безболезненно? — удивилась Юлианна, подавая паспорт пограничнику. Вольдемар стоял рядом в соседнюю кабинку, и поэтому диалог между ними продолжился. — Тут, скорее всего, пострадала бухгалтерия, потеряв такого сотрудника.

— Все дело в том, что сама Мария Ивановна упала именно на мою несчастную конечность.

— Бессовестная, — прыснула Юля, стараясь не рассмеяться. — Кто так танцует? Даже нет, не так. Кто так падает?

— Не надо ругать бедную женщину, — как настоящий мужчина, Вовка защитил свою даму. — Ей тоже досталось. Да и повела она себя благородно. Сразу после инцидента вызвала такси и вместе со мной поехала в травмпункт, где поставила на уши весь персонал больницы.

— Надо же, — восхитилась коллегой Юля. — Я так понимаю, красивая косыночка — это подарок Марь Иванны. Ну теперь, Вольдемар, тебе придется на ней жениться.

— Проснувшись сегодня утром в ее квартире, я тоже так подумал, но решил, что еще есть шанс уйти, и быстренько ретировался, по-английски, не прощаясь, — смущенно сказал Вовка.

В свои двадцать шесть лет он так и остался пацаном, не торопясь переквалифицироваться в мужчину. Щуплое тело, лихая челка и озорные глаза предательски выдавали детство, что до сих пор играло у него в одном известном месте.

— Сдается мне, друг мой Вольдемар, что вы не подстраховывать меня летите, а банально спасаете свою задницу, — сказала Юлианна и резко замолчала, так, словно увидела призрак. Перед ней была очередь на посадку и те люди, что выстроились сейчас неровным строем, заставили мурашки дружно забегать по спине. — Что ты задумал, пушкинский тезка? — произнесла она вслух, вконец испугав Вовку и своим ошарашенным видом, и непонятными словами.

— Ты о чем? — решил все же внести ясность Вольдемар.

— Посмотри вон туда, — сказала Юлианна, указывая на небольшую очередь, которая стояла в сторону приоритетной посадки. — Они меня не знают, но я знаю их всех. Более того, у меня в рюкзаке на каждого отдельная папка с досье, украшенная фоткой, все, что нашла в интернете и других источниках.

— Ну, Скворцова, даешь, не знал, что ты маньячина, — восхитился Вовка. — Я уже сомневаюсь, ехать мне с тобой или ну его, этот Таиланд. Там законы суровые, а от тебя уже и непонятно, чего ожидать, подведешь меня под пожизненное, — сказал он и тяжело вздохнул.

— Не говори глупости, — оборвала друга Юлианна. — Я не верю в самоубийство Влада, и ты это прекрасно знаешь, а они все хоть и косвенно, но как-то причастны к этому, я уверена.

— Что, и вот эта красавица у тебя под колпаком? — Вольдемар осторожно показал в сторону девушки-ангела. Короткие белоснежные локоны беспорядочно падали на лицо красавицы, словно прикрывая ее огромные испуганные глаза. Лицо было растерянное, а взгляд олененка Бемби из одноименного мультика показывал ее ранимость и беспомощность в этом страшном мире. — Дашь ее папочку почитать?

— Это Сандра, знаменитый блогер и по совместительству жена Бронислава, сына того самого страшного, как ты выразился, человека, к которому я лечу в гости. Так что не советую даже мечтать. Помни, у тебя есть Марь Иванна, пусть эта мысль греет тебя дальше.

— Возможно, она это делает даже слишком сильно, потому как вот уже сутки мне постоянно хочется охладиться и сменить номер телефона, — усмехнулся Вольдемар и скинул чей-то очередной звонок.

— Неблагодарный, — подвела итог похождению друга Юля. — Меня больше беспокоит вон та девушка с Дамиром Ивановым. Ее в моем списке нет, хотя лицо, кажется знакомым.

— Ну она тоже ничего, — присмотревшись к девушке, сказал Вольдемар. — Правда, мне больше нравятся блондинки и помоложе, но и зрелые брюнетки тоже бывают красивые, а брюнетки с ярко-зелеными глазами вдвойне. Ты видела ее глазища? Я думал, так не бывает. Волосы как воронье крыло, а глаза ярко-зеленые, будто это линзы.

Девушка в этот момент, словно почувствовав, что говорят о ней, повернулась в их сторону и пристально взглянула на Юлианну. От взгляда таких цепких и холодных глаз мурашки снова сделали забег, и нехорошее предчувствие прочно поселилось в душе.

— Ладно, пошли, сердцеед, — сказала Юля, пытаясь вытеснить внутренний страх. — Нас ждут великие дела.

Люди, неторопливо усаживающиеся в широкие кресла, не переглядывались и не разговаривали меж собой, казалось, что только она знает, что они связаны невидимыми нитями, остальные же даже и не подозревают этого. Юлианна почувствовала от этого свое преимущество и решила немного оглядеться. Она никогда не летала бизнес-классом, да что там, и в жаркие страны зимой ей тоже ни разу не доводилось путешествовать, поэтому она чувствовала себя чужой среди людей, видимо, не раз проделывающих это. Очень учтивые стюардессы сразу начали обслуживание, не дожидаясь взлета, предлагая шампанское и соки.

— Виски, — скомандовала, будучи уже подшофе, Маргарита Базарова, очень известный продюсер развлекательных реалити-шоу. Про эту женщину ходили легенды: о ее трудоспособности, о ее пробивном характере и о том, как она умеет уничтожать конкурентов и провинившихся. Попасть в черный список «огненной» Марго означало поставить крест на карьере. Приписка к имени ей далась не только за ярко-красный цвет волос, но и за ее характер, который мог испепелить любого.

Беспрекословно выполнив приказ высокомерной женщины, стюардесса молча раздала всем пассажирам бизнес-класса красивые голубые конверты. Многие сразу открыли их, тех же, кто небрежно бросил неожиданное послание, типа Бронислава и Дамира, стюардесса настойчиво попросила прочитать сейчас. Чем больше люди вникали в написанное, тем чаще они оглядывались и рассматривали пассажиров, которым достались такие же письма счастья.

«Привет, — начала читать свое послание Юлианна. — Спасибо, что приняла мое приглашение. Я решил отметить Новый год с самыми близкими мне и Владу людьми. Поэтому вокруг себя сейчас ты видишь тех, с кем встретишь этот праздник. Мне бы хотелось, чтобы мы посвятили нашу встречу воспоминаниям о моем брате. Что ты лично можешь сказать о нем, о ваших отношениях и, в частности, о вашей последней встрече. Предлагаю провести этот девятичасовой полет в воспоминаниях, мне очень важно все, что ты можешь вспомнить о Владе».

— Девушка, — голос оторвал ее от черных букв на голубом фоне, таких простых и таких зловещих. Они словно завораживали ее и затягивали куда-то в омут.

— Да, — еще не совсем придя в себя, откликнулась Юлианна.

Перед ней стоял Бронислав с сумкой в руке. Сейчас он был не такой красивый, как на экране или в интернете. У парня были растрепанные волосы, словно их хозяин несколько часов чесал голову в надежде что-то вспомнить, а усталое лицо настойчиво показывало, что он не спал всю ночь.

— Можно я займу кресло рядом с вами, — попросил он. — Стюардесса сказала, что оно свободно.

— Да, конечно, — Юля рассеянно сделала рукой жест, приглашающий присесть. Бронислав поставил свою сумку на верхнюю полку и с конвертом в руке устроился рядышком.

— Ну раз так, давайте знакомиться: я Бронислав, актер, — сказал молодой человек, указывая взглядом на конверт в ее руках.

— Юлианна, журналистка, — ответила она ему, полностью придя в себя.

— Я просто не люблю летать у окна, — начал объясняться Бронислав, посчитав, что знакомство теперь к этому обязывает.

— Не утруждайте себя объяснениями, — прервала его Юлианна. Она вернулась к своему нормальному состоянию и теперь изъяснялась в привычной ей манере. — Просто вы не хотите сидеть весь полет рядом со своей бывшей женой. Вернее, жена она настоящая, но вы уже более года не вместе. — Увидев растерянные глаза Бронислава, Юля добавила: — Мы с вами не совсем чужие люди, — она потрясла голубым конвертом в воздухе. — Предлагаю не врать друг другу. Причем, мне кажется, устроитель нашей новогодней вечеринки хочет именно этого.

— Вы кто? — просто спросил Бронислав, видимо, пережевав в голове информацию, сказанную невольной попутчицей.

— А вы угадайте, — предложила Юля.

— Вы знаете, нет вариантов. Вернее, их сто, и один глупее другого, — сказал молодой человек, пожимая плечами.

— Ну, может быть, я та самая девушка Влада, про которую все слышали и которую он от всех скрывал, — усмехнулась Юлианна, наблюдая реакцию молодого человека.

— Видимо, не от всех, раз вы здесь, — парировал Бронислав. Было видно, что прямота девушки ему нравится, но он не очень поверил в ее версию.

Юлианна, не отвечая, отвернулась к иллюминатору, самолет, как огромная птица, собирался лететь на юг. Он уже набирал скорость, разгоняя ленивые снежинки, падающие с зимнего неба. Глядя на заснеженные дома и сугробы, наметенные метелью, Юля не верила, что где-то может быть лето. Зима твердо пришла в Москву, засыпав ее снегом до макушки, и даже трудолюбивые дворники не справлялись со стихией. Прям как в прошлом году. Хотя нет, в прошлом году она была счастлива, и этот снег ей казался чудом, а не наказанием. В прошлом году она впервые подумала, что чудеса существуют. В голове всплыла прошлогодняя картинка: она в квартире Влада, стоит и вглядывается в окно. Там метель кружит хороводы снежинок, словно заставляя их танцевать красивый танец. А за спиной Влад любуется ей, она видит это в отражении и улыбается ему в ответ.

— У тебя слишком много врагов, — сказала она тогда ему. До этого приходил его друг и Влад, спрятав ее в спальне, дал ей подслушать их разговор. — Ты не очень хороший человек? — поинтересовалась она тогда наигранно.

— Ты знаешь, детка, — ответил тогда он ей, — жил такой французский писатель Андре Жид, между прочим, нобелевский лауреат, да и вообще умнейший человек, так вот он говорил: «Лучше, когда тебя ненавидят таким, какой ты есть, чем любят за то, чего в тебе нет». И ты знаешь, я полностью с ним согласен. В каждом из нас есть и хорошее, и плохое, и поэтому надо всегда оставаться собой, всегда, даже когда тебе это не выгодно. Иначе у тебя в жизни будут большие проблемы. Я ни перед кем не рисуюсь и никого не заставляю себя любить. Лишь использую людские слабости себе на пользу. Знаешь, в чем отличие таких людей? Ни один человек из их окружения не относится к ним равнодушно, их либо любят, либо ненавидят.

— Спой что-нибудь, — попросила Юлианна, желая сменить тему, уж очень скользкой она была.

Влад взял гитару и, по-прежнему любуясь ей в отражении, запел рождественскую песню. Юля еще раз отметила про себя, какой же он все-таки талантливый.

— Когда в полночь пробьют часы,

Отпустив еще один год,

Я, собрав цветные мечты,

Отправлю тому, кто ждет.

И волшебник, повесив Луну,

Открывая дверь в Новый год,

Как пластинку, включив тишину,

Колдовать над ними начнет.

Чудо-мельница, ветром крутясь,

Превратит их тотчас в быль,

А ангелы, светом искрясь,

Упакуют все в звездную пыль.

Когда же забрезжит рассвет,

Тихо-тихо он в дом войдет,

Присядет на табурет

И немножечко отдохнет.

Он разнес по адресам

Все желания за одну ночь.

По селам и городам,

Всем тем, кто просил помочь.

Когда в полночь пробьют часы,

Унося еще один год,

Я, собрав цветные мечты,

Отправлю тому, кто ждет.

На следующий день Влада не стало.

— А не хотите ли, Юлианна, выпить со мной? Одному как-то негоже, а очень хочется забыться, — спросил вдруг Бронислав, вырвав ее из воспоминаний.

— А не рановато ли отмечать Новый год? — ухмыльнулась она.

— В нашем случае, мне кажется, даже поздновато, — ответил Бронислав ей улыбкой. — Мой отец не дарит места в бизнес-классе и миллионные проекты просто так.

— Где-то я уже это слышала, — грустно усмехнулась девушка.

— А вас он чем купил? Надеюсь, не желанием искупаться в море, не разочаруйте меня. Скажите, что вы попросили, чтобы он купил вам канал, ну или поставил директором на свой. Вы знаете, что у него есть собственный канал, — Бронислав словно пытался разгадать, кто она, задавая каверзные вопросы.

— Он поймал меня на любопытстве, простом женском любопытстве, — сказала Юлианна, не желая раскрывать всех секретов.

— Тогда тем более надо выпить — посетовал молодой человек, подзывая стюардессу, — потому как вы продешевили. Давайте же хотя бы отобьем шампанским.

Книга

Почему-то стала теряться уверенность в нужности тех долгожданных событий, что вот-вот должны произойти. Бороться с неуверенностью помогала Книга. Вот и сейчас от прикосновения к засаленным страницам стало легче. Надо прочитать еще одну главу, всего одну, и все встанет на свои места.

Ноябрь 1917 года, Николай Аркелов

— Ты знаешь, Николай, я не люблю с тобой спорить, но мне кажется опрометчивым твое решение возвращаться в Петроград, — сказала Ирина шепотом.

Они ехали уже вторые сутки и ужасались тому, что творится вокруг. Страна не понимала, что происходит, и оттого сама, казалось, сходила с ума.

— Я встретила папиного друга с семьей на предыдущей станции, и он сказал, что Керенский практически развалил армию и переворота не ожидал. Они едут в Крым, а там будут стараться выбраться за границу, — Ирина продолжала настойчиво шептать жениху в ухо свои новости в надежде, что он внемлет ее словам. — И нам надо на юг. Я напишу маман, и она приедет к нам позже.

— Ты правда не понимаешь? — спросил Николай сухо, поправляя свои очки. — Если я поступлю, как ты меня просишь, я просто перестану себя уважать. Моя страна в опасности. То, что случилось в Петрограде, это временно. Скоро наши снова возьмут город под свое управление, и тогда я понадоблюсь для построения нового государства.

— А ты понимаешь, что нас могут убить? — не менее жестко спросила Ирина. Она могла, когда хотела, быть жестокой. — Люди рассказывают о беззаконии, что сейчас творится в Петрограде: разбой, грабеж, насилие. Я молюсь об одном: чтобы маменька тихо пересидела в нашей квартире и не высовывалась на улицу.

— Глупенькая, — Николай обнял любимую, стараясь ее успокоить. — Мы с тобой не солдаты и тем более не генералы, нас не за что убивать. В крайнем случае я могу предложить образовавшейся власти вести мирные переговоры со старой.

Поезд остановился на маленькой станции без названия, и патруль, стоявший в сумерках на платформе, зашел в вагон.

— Проверка документов, — послышался громкий мужской голос. — Достаем документы живо.

— В чем дело? — зашумели пассажиры.

— Приказ: в Петроград пускать только после проверки документов, — невнятно шевеля языком, отвечали патрульные.

— Они не хотят мирных переговоров, — сказала Ирина, вглядываясь в приближающихся людей.

Солдаты важно шагали по вагону, немного пошатываясь, и периодически хохотали своими звучными голосами. Когда они подошли, стала ясна причина такого поведения — они были сильно пьяны.

— Документики, — ухмыляясь, сказал тот, кто, видимо, считал себя главным в этой четверке. — Ну, живо.

Ирина понимала, почему Николай тянул, не доставая свой паспорт. Пьяный патрульный уже проверил ее паспортную книжку, но у Ирины она была бессрочной, тогда как Николаю перед отъездом из столицы выдали временный паспорт Российской империи с указанием не только сословия, но и места работы. Сделано это было для того, чтобы двери перед ним открывались быстрее и почтения было больше. Сейчас же эта временная бумага счастья превращалась в приговор.

— А вы смотрите, ребята, кто у нас тут едет, — пьяно, а оттого особенно радостно сообщил друзьям бородатый патрульный. — Сам помощник Керенского.

Его коллеги, услышав это имя, дружно поддержали раскатистым смехом.

— Ну и куда ты едешь? — громко спросил другой, более молодой солдат. — И почему не в женском платье?

— В Петроград, — сухо ответил Николай, понимая, что происходит что-то нехорошее.

— А что делать-то тебе там? — засмеялся молодой. — Твой Керенский драпанул давно оттуда.

— Ага, — поддержал друзей третий, более зрелый, но не менее пьяный товарищ. — В женское платье переоделся и драпанул.

— Господа, — Ирина попыталась вразумить разбушевавшихся мужчин, — он больше не на службе, мы едем к моей маме.

— Какие мы тебе господа! — закричал бородатый, и слюни из его рта брызнули Ирине на лицо. — Господ теперь нет, есть только товарищи.

— А с господами у нас теперь разговор короткий, — сказал четвертый, молчавший до сих пор. — Товарищ Ленин не просто так, ребята, нас здесь поставил и приказал не пускать в Петроград всякую контру. Выводи его, — скомандовал он.

Солдаты схватили Николая и потащили к выходу из вагона. Ирина не могла оставить любимого и потому, взяв саквояж с самыми важными мелочами, вроде денег и документов, и, оставив чемоданы, выскочила за ними на холодный перрон безымянной станции.

Догнав патруль, который тащил еле ковыляющего Николая, Ирина защебетала настолько ласково, насколько могла в данной ситуации.

— Товарищи, отпустите нас, мы не поедем в Петроград, обещаю. Мой жених болен от рождения и не сможет сделать революции ничего плохого.

На улице мела метель, но Ирина не чувствовала холода. Правда, слезы замерзли в глазах, и оттого все вокруг было расплывчатым, словно ненастоящим. Но она готова была на все, чтобы спасти любимого.

— Уходи, Ирочка, милая, уходи, — только и твердил Николай Аркелов рассеянно, словно не веря в то, что происходит.

— Милые мои, — встала она на колени, преградив конвою путь. — Отпустите его, Христом Богом прошу, — взмолилась она.

— Где он, твой Бог, — загоготал бородатый и со всей силы пнул Ирину в грудь. — Пошла вон.

И без того серое небо стало черно-белым, да и вообще, мир походил на мрачные иллюстрации книги. От удара сапога в солнечное сплетение дыхание на миг остановилось, и Ирина уже решила, что умерла. Но потихоньку сознание возвращалось. Месиво из снега и грязи не позволило встать сразу, и когда Ирина смогла сесть, то увидела, как у здания вокзала четыре патрульных вытянули свои винтовки, готовые стрелять. У стены стоял Николай. Он плакал большими горючими слезами.

— Не за себя душа болит, — вдруг громко сказал он, — за Россию! Как ей, бедной, трудно сейчас, как же ей выжить, когда такие вши завелись на ее земле.

— Именем революции! — пьяно закричали четыре остервеневших от власти и вседозволенности солдата и выстрелили в безоружного мужчину.

Когда тело Николая рухнуло в грязный снег, Ирина поняла, что кричать и молить о пощаде уже поздно. Она рукой, покрытой черной жижей, вытерла глаза, чтобы убрать замерзшие, видимо, навсегда слезы. Но лучше видно не стало. Тогда девушка сняла шарфик с груди и, найдя чистый конец, насухо вновь вытерла мокрое лицо. Ей во что бы то ни стало надо было запомнить, как они выглядели. До каждой морщинки, до каждой родинки. Она не задумывалась, зачем это делала, просто чувствовала, что обязана так поступить. Те же, не обратив внимания на сидящую в луже девушку, весело прошли в сторожку маленькой станции, обсуждая, чем будут сейчас закусывать.

Проводив монстров взглядом, Ирина с трудом подползла к любимому и обняла его.

— Я им отомщу, милый, каждому, обещаю, — выдохнула девушка, затем поцеловала его в губы и закрыла смотрящие в небо глаза.

Снег усилился, а худенькая семнадцатилетняя девушка, подхватив саквояж, валявшийся тут же, с прямой спиной уходила с рокового перрона. Здесь ей больше делать было нечего.

Глава 8

Будьте аккуратны с подарками

Сарказм — прекрасный вид юмора, тонкая грань иронии и усмешки. В переводе с греческого он означает «рвущий плоть». Наверное, так и есть, ведь им можно не только рассмешить, но и больно уколоть собеседника, делая вид, что ты шутишь. Удобно, но нечестно.

Юлия Ефимова, записки в стол

— Вселенской глупостью было пить с вами вчера, — сказала Юлианна, хмуро продвигаясь в очереди на паспортный контроль.

— Ну, во-первых, — ответил Бронислав, спрятав за темными очками глаза, — мы вчера после третьей текилы перешли на «ты», а во-вторых, это было сегодня.

— Это чувствуется, — односложно ответила Юлианна.

В Бронславе боролись лень и любопытство, но последнее все же победило, и он, выговаривая каждое слово, спросил:

— Что конкретно? Что перешли на «ты» или что это было сегодня?

— Последнее, — снова одним словом ответила Юлианна, решив последовать примеру Бронислава и усиленно ища свои очки в сумке. Те же, по закону подлости, никак не находились.

— Почему? — не унимался Бронислав.

В этот момент терпение Юлианны закончилось, и она, сняв очки со своего собеседника, надела их себе на нос.

— Потому что я до сих пор пьяна, — ответила ему девушка. — Очки временно экспроприируются на правах перехода на «ты».

Бронислав не стал спорить — скорее всего, не мог, хотя, возможно, еще потому, что подошла его очередь на прохождение паспортного контроля. Все их коллеги по путешествию уже покинули зал, Юлианна замыкала цепочку последней. Действовала она в этом случае осознанно, ей хотелось дождаться Вольдемара и договориться о связи, но его, как назло, нигде не было. Получив от пограничника обратно свой документ, она решила позвонить. Девушка металлическим голосом ответила, что абонент вне зоны действия сети.

— Юлианна Скворцова! — к ней подбежал мужчина. — Я Василий, начальник охраны Александра Базарова. Только вас ждем, пройдемте в автобус.

— Я не пойду, — икнув, сказала Юля, поправила очки и снова набрала номер телефона.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.